

Александр Ужанков

**О специфике развития русской
литературы XI – первой трети
XVIII века: Стадии и формации**

«Языки Славянской Культуры»

2009

Ужанков А. Н.

О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века: Стадии и формации / А. Н. Ужанков — «Языки Славянской Культуры», 2009

В монографии впервые в литературоведении представлена теория литературных формаций и стадийного развития русской литературы XI – первой трети XVIII века, которая может послужить теоретической основой для построения новой концептуальной истории русской литературы XI–XVIII вв. Рассматриваемый материал обусловил композицию книги: она состоит из теоретической и практической частей. В первой части внимание уделяется проблеме периодизации и стадийного развития русской литературы XI – первой трети XVIII в. и ее литературных формаций. Вторая часть представляет в сжатом виде пример использования выдвинутых теоретических положений при выстраивании истории древнерусской словесности. Книга адресована как специалистам-медиевистам, так и студентам, аспирантам и всем интересующимся проблемами древнерусской словесности. В оформлении переплета использован фрагмент иконы Св. апостола Иоанна Богослова

© Ужанков А. Н., 2009

© Языки Славянской Культуры, 2009

Содержание

Введение	5
Часть I	9
Раздел первый	9
1.1.1 О периодизации древнерусской литературы	9
1.1.2. Гражданская история и периодизация истории русской литературы	10
1.1.3. О принципах периодизации литературы	13
1.1.4. Теория «стиля эпохи»	16
Раздел второй	23
1.2.1. Стадиальное развитие мировых литератур	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Николаевич Ужанков

О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века: Стадии и формации

Светлой памяти моего отца Ужанкова Николая Филипповича посвящаю

Введение

В курсе лекций, читанных в зимнем семестре 1925–1926 гг. в Венском университете, Н. С. Трубецкой констатировал: «Суждения и представления о древнерусской (и допетровской) литературе подчинены совершенно ложным концепциям. Ее, как и всю культуру допетровской эпохи, сравнивают с европейской, судят о ней с этих позиций, в силу чего, разумеется, и понимают ее абсолютно неправильно (курсив мой. – А. У.). К сожалению, такой неверный подход к древнерусской литературе содержится во взглядах самих русских литературоведов. Реформы Петра Великого создали пропасть между допетровской и послепетровской Россией, и новые поколения, пришедшие после Петра, смотрели на все дореформенное как на варварское, примитивное и малоценное. Лишь в начале нашего века, когда была заново «открыта» древнерусская живопись, невероятно высокий уровень иконописи поколебал миф о древнерусском «варварстве» и поставил под сомнение его истинность. Но случившееся с живописью, к сожалению, не произошло с литературой: она и доселе не «открыта»¹.

Увы, приходится отмечать, что приведенное выше суждение Н. С. Трубецкого осталось актуальным и в начале XXI столетия.

Открыть древнерусскую словесность – значит проникнуть в смысл написанного сакральным церковнославянским языком божественной литургии, как этот смысл открывался, по Благодати, древнерусскому автору (а практически все древнерусские творения XI–XV вв. можно назвать боговдохновенными), а не как он мнится или представляется нам, т. е. попытаться взглянуть на древнерусские духовные творения и мирскую словесность глазами их создателей и попытаться понять их предназначение в ближайшем культурном окружении эпохи, в которую они были созданы, и, что особенно важно для произведений XI–XVII вв., с учетом религиозного мировоззрения их творцов.

До начавшейся в начале XVII века секуляризации сознания мировоззрение древнерусского книжника было религиозным, и основой для понимания, как отдельного древнерусского творения, так и всей средневековой словесности в целом, служит Православие. Не учитывать это обстоятельство, пренебрегать им, значит сознательно (или бессознательно) уходить от поиска того смысла, который вкладывал древнерусский автор в свое творение, подменяя его современной интерпретацией, а в конечном итоге – удаляться от истины².

¹ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 544.

² Четверть века назад, в статье «Влияние церковной культуры на литературные приемы Древней Руси» Р. Пиккио писал: «... Никакая теория литературы не может быть понята вне единства православного учения. Это учение считалось универсальным и должно было определять поведение человека как в церковной, так и в светской жизни, поскольку и то и другое являлось частью вселенской церкви». И «...еще не стало общепринятым считать, что церковная культура являлась основным источником вдохновения для древнерусских авторов. Пора отставить в сторону нежелание признать этот факт». Переиздано в кн.: Пиккио Риккардо. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 127, 123.

Чтобы понять смысл средневекового произведения необходимо изучить мировоззрение эпохи, в которую оно было создано, основные ее темы и идеи, и трансформацию самого мировоззрения на пути к секуляризации, и эволюцию писательского сознания и отношения древнерусских книжников к творчеству. Нельзя сказать, что таких работ у нас не было. Они есть, но их катастрофически мало, и они не всегда верно отражают мировоззренческие процессы, происходившие в Древней Руси.

По сути дела, необходимо выстраивать новую историю тысячелетней русской словесности. Причем речь идет не просто о по-новому написанной истории русской литературы, разговор следует вести о ее концептуально новой научной платформе.

«Со всей определенностью необходимо заявить: нужна новая концепция русской литературы, которая учитывала бы ее подлинные национальные и духовные истоки и традиции», – пишет В. Н. Захаров (курсив его. – А. У.)³. С ним солидаризируется И. А. Есаулов: «Требуется новая концепция русской литературы, причем крайне наивно представлять дело таким образом, что достаточно лишь описать и систематизировать ранее неизвестные литературные и культурные факты – и на основе этой систематизации сама собой родится, наконец, «подлинно научная» история литературы, скорректированная и «полная» по отношению к истории уже существующей. Однако, к сожалению, именно такое «позитивистское» мышление преобладает в настоящее время в среде отечественных литературоведов»⁴.

В данной монографии предпринята попытка выделить основные проблемы построения новой истории древнерусской словесности и указать пути их возможного решения.

Важнейшая из них – это построение теоретической истории древнерусской литературы, основанной на изучении средневекового мировоззрения и художественного метода.

Следует напомнить, что в XX веке в качестве теоретической концепции истории русской литературы ряд ученых (В. Н. Перетц, П. М. Сакулин, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, а Д. И. Чижевский – украинской) рассматривали теорию литературных стилей эпохи, построенную на части типологических обобщений исследуемых явлений.

Концепция стилей эпохи нашла поддержку и в трудах искусствоведов (И. Э. Грабаря, Н. П. Кондакова, Д. В. Айналова, М. В. Алпатова, А. И. Некрасова, Г. К. Вагнера и др.) и была использована в качестве основы истории древнерусской живописи и искусства.

Между тем теория литературных стилей эпохи не воспринималась всеми литературоведами безоговорочно, и ряд ученых подвергли некоторые ее положения критике (В. В. Кусков, В. А. Грихин). Тем не менее предпринималась попытка сделать ее базисной для построения теоретической истории русской литературы, о необходимости которой говорил еще в 20-е годы XX в. П. М. Сакулин⁵, а в конце того же века Д. С. Лихачев. Однако идея создания теоретической истории древнерусской литературы оказалась нереализованной и в его собственных трудах⁶.

Камнем преткновения оказался вопрос о художественном методе в древнерусской литературе. Даже десятилетняя дискуссия не смогла ответить: в древнерусской литературе существовал только один художественный метод или несколько? Не была прослежена и связь художественного метода с мировоззрением⁷. Это – вторая важнейшая проблема.

³ Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 5.

⁴ Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 3.

⁵ Сакулин П. Н. Синтетическое построение истории литературы. М., 1925.

⁶ Хотя Д. С. Лихачев и сделал немало в этом направлении. Об этом свидетельствуют его труды: Человек в литературе древней Руси. М.; Л., 1958. 2-е изд. М., 1970; К изучению художественных методов русской литературы XI–XVII вв. // ТОДРЛ. Т. XX. М.; Л., 1964. С. 5–28; Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. М., 1973; Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979.

⁷ См. обзоры проблемы: Пурьскина Н. Г. О художественном методе древнерусской литературы. Воронеж, 1988; Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М., 2008.

Поскольку художественный метод претерпевал изменения на различных хронологически выделяемых мировоззренческих стадиях, то возникает и еще одна требующая своего разрешения проблема: периодизация развития средневековой литературы и выявление этих самих стадий развития.

Вместе с нею возникает и вопрос о границах средневекового периода в развитии литературы, и проблема переходного периода от Средневековья к Новому времени. Эту проблему в последние годы пытались решить, применяя различные подходы: литературоведческий (П. П. Охрименко, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская), культурно-исторический (А. М. Панченко), семиотический (Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский), философско-антропологический (Л. А. Черная). Тем не менее проблема не решена, и вопрос о границах переходного периода остается открытым.

До сих пор в литературоведении (как и в культурологии, и в искусствоведении) не только не выявлена и не исследована связь средневекового художественного метода с мировоззренческой системой в определенные исторические эпохи, но и не определены сами эти системы и доминирующие в них синкретические художественные методы.

Совершенно очевидно, что без установления «художественного (творческого) метода» древнерусской литературы и прежде всего его специфичности, невозможны общетеоретические труды, рассматривающие историю развития художественной изобразительности (или «художественных систем») в литературе и культуре XI–XVII вв., не говоря уже о периодизации истории древнерусской литературы, основанной не на социально-экономических явлениях и исторических событиях, как практиковалось до недавнего времени (в учебниках по древнерусской литературе практикуется и доньше), а на выявленных объективных законах эволюции культуры и литературного процесса, связанных с эволюцией христианского мировоззрения, общественного и личного сознания.

Очевидно, что для построения теоретической истории русской литературы XI – начала XVIII в. мало изучить только типологические явления в эволюции литературных стилей. Здесь необходим комплексный подход, способный выявить не одну только литературную типологию, но и номотетические законы общественного развития, по которым развивается и литература.

В монографии различаются три уровня научных обобщений: эмпирические, типологические и номотетические. Под эмпирическими подразумеваются «такие обобщения, которые относятся к единичному явлению; таково, например, наше синтетическое представление о стиле данного произведения или данного писателя». «Обобщения становятся типологическими, если эмпирически наблюдаемые факты возводятся в категорию типовых явлений (например, понятие о литературной школе, о литературном стиле течения и т. п.)». На высшем – номотетическом – уровне формулируется общий закон развития того или иного явления. Применительно к литературе П. Н. Сакулин назвал эти обобщения номологическими: «Номологическими можно назвать те обобщения, которые пытаются формулировать общие законы литературного развития»⁸.

На основании этих законов можно выявить стадии развития русской словесности и создать ее новую академическую историю (а на ее основе и новые вузовские учебники), необходимость в которой давно назрела, поскольку последняя по времени академическая история русской литературы создавалась в 70–80-е годы XX столетия.

С. 100–158.

⁸ См.: Сакулин П. Н. Синтетическое построение истории литературы. С. 72–74. Ср.: «... Всякая наука, по мнению представителей номотетического направления, в сущности должна стремиться к обобщению; значит, и историческая наука должна вырабатывать общие исторические понятия. В числе таких понятий можно различать: 1) основные принципы номотетического построения; 2) номологические обобщения; 3) типологические обобщения», – еще в начале XX века писал известный разработчик методологии изучения истории А. С. Лаппо-Данилевский. См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 93.

В данной монографии не ставится задача построения теоретической истории русской литературы XI – начала XVIII в. в целом.

В первой ее части рассмотрены лишь некоторые теоретические положения – о проблеме периодизации и стадийном развитии русской литературы XI – первой трети XVIII в., о теории литературных формаций, – которые могут стать теоретической основой для построения истории русской литературы XI–XVIII вв. Они дают общее представление о новой концепции. Более подробно она изложена в недавно вышедшей моей монографии «Стадийное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций»⁹.

Вторая часть представляет в сжатом виде пример использования этих теоретических положений при создании истории древнерусской словесности.

В основе книги лежит работа «О проблемах периодизации и специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века», вышедшая незначительным тиражом в Калининграде в 2007 г. и быстро разошедшаяся. В нее внесен ряд исправлений и добавлений.

⁹ Ужанков А. Н. Стадийное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. Монография. М., 2008.

Часть I

Теория стадияльного развития русской литературы XI – первой трети XVIII в. и литературных формаций

Раздел первый

О принципах периодизации и построения истории русской литературы XI – первой трети XVIII в

1.1.1 О периодизации древнерусской литературы

1.1.1. Можно ли сейчас утверждать, что существует общепринятое (или уже устоявшееся) мнение о принципах периодизации литературы, будь то мировой или русской? И чем руководствоваться в определении продолжительности того или иного литературного периода? И что принять за единицу деления?

С 20-х годов XIX века¹⁰ и до сих пор доминирует «исторический подход» в построении как всей истории русской литературы, так и отдельно взятой истории древнерусской литературы¹¹.

В дореволюционной науке устоялось деление истории древней русской литературы на два больших периода: домонгольский или киевский (XI–XIII вв.) и московский (XIV–XVII вв.). Эта периодизация присутствует в учебных пособиях и курсах лекций по древнерусской литературе профессоров российских университетов: В. В. Владимирова¹², А. С. Архангельского¹³, М. Н. Сперанского¹⁴. Ее придерживался и В. М. Истрин в вышедшем уже в 1922 г «Очерке истории древнерусской литературы домонгольского периода (XI–XIII вв.)». Но В. М. Истрин обратил внимание на весьма существенную отличительную особенность двух периодов древнерусской словесности – на «внутренний характер» каждого из них: «Если литература XI–XIII вв. во всех смыслах имела характер «общерусский», то литература периода XV–XVII вв., сравнительно с прежней, имела характер уже областной и может быть называема одновременно и северо-восточной, и великорусской, и московской. Однако главнейшее отличие между двумя периодами литературы заключается в ее внутреннем характере. В противоположность литературе XI–XIII вв., литература периода XV–XVII вв. была уже идейною. Она оставалась такой же общественной, какой была в XI–XIII вв., но к этой общественности прибавилась уже идейность»¹⁵. Он отметил, что «каждый век имел и свои характерные особенности, которые придают литературе стройность и последовательность развития». Для XV в. это: «расцвет визан-

¹⁰ Эта тенденция была заложена Н. И. Гречем в его «Опыте краткой истории русской литературы» (1822), в котором он попытался связать периоды развития русской литературы с важнейшими событиями русской истории.

¹¹ По традиции в монографии используется выражение «древнерусская литература», хотя творения русской духовной словесности XI–XVIII вв. нельзя назвать в буквальном смысле «литературными произведениями». Об этом речь будет идти ниже.

¹² Владимирова В. В. Древняя русская литература Киевского периода. К., 1901.

¹³ Архангельский А. С. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (Кон. XV–XVII вв.). Казань, 1913.

¹⁴ Сперанский М. Н. История древней русской литературы. Пособие к лекциям. 2-е изд. М., 1914.

¹⁵ Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домонгольского периода (XI–XIII вв.). Петроград, 1922. С. VII–VIII.

тийского влияния», проявление мистицизма и борьба идей иосифлян и заволжских старцев, «развитие идеи третьего Рима». Две последние переходят в XVI век и дополняются «идеями политического и умственного объединения ... Московского государства» и «идеями освобождения общественно-культурной жизни от господства византийского влияния». В XVII в. наметились «признаки децентрализации в умственном отношении, признаки разделения общества на части», которое превратится во второй половине XVII века в «сильную борьбу двух направлений»¹⁶. Однако намеченный В. М. Истриным подход в изучении «внутреннего характера» выделенных литературных периодов не получил дальнейшего развития и не стал основополагающим принципом при построении истории русской словесности. Литературоведы XX в. вернулись к «историческому подходу» в периодизации истории литературы.

1.1.2. Гражданская история и периодизация истории русской литературы

«...Сама история до известной степени устанавливает периодизацию литературы. Литературные изменения в основном совпадают с историческими», – утверждает в вузовском учебнике по древнерусской литературе Д. С. Лихачев¹⁷. Это же мнение разделяет и последняя по времени издания академическая «История русской литературы», расширяя его уже и на литературу Нового времени: «...литературная периодизация естественно совмещается с исторической»¹⁸.

В зависимости от того, какие исторические события или явления избирались для точки отсчета, строилась как периодизация литературного процесса, так и вся история литературы.

Для древнерусской литературы такими историческими вехами, или «точками отсчета», были: монголо-татарское нашествие 1237–1240 гг.; период раздробленности Древней Руси после него – вторая половина XIII–XIV вв.; время консолидации русских княжеств вокруг Москвы и образование русского централизованного государства в XV–XVI вв.; церковный раскол в середине XVII в.

Соответственно и история литературы делилась на: домонгольскую (или Киевской Руси) – XI – первая треть XIII века; периода раздробленности – вторая треть XIII–XIV вв.; периода объединения Северо-Восточной Руси и образования Московского государства – конец XIV – начало XVI в.; периода укрепления русского централизованного государства XVI–XVII вв.¹⁹

Схема чисто условная. Если, скажем, «домонгольскую литературу» называть «литературой Киевского периода», то «большой натяжкой» будет относить к ней новгородскую и псковскую литературы, поскольку административно ни Новгород, ни Псков не подчинялись Киеву. Однако явления в севернорусской литературе были тождественны явлениям в южнорусской литературе, что свидетельствует не только о наблюдаемом едином литературном процессе, но и о единой древнерусской литературе, получившей компромиссное наименование «литературы древнерусского государства».

В стремлении детализации периодизации могли быть внесены уточнения и в определение границ того или иного периода. Например, «литература периода феодальной раздробленности и объединения Северо-Восточной Руси (XIII – первая половина XV века)» или «литература периода укрепления централизованного государства (вторая половина XV–XVII век)»²⁰. Наряду с историческим подходом здесь уже выступает и социально-экономический.

¹⁶ Там же. С. VIII–IX.

¹⁷ История русской литературы X–XVII веков. М., 1980. С. 7.

¹⁸ История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л., 1981. С. 5.

¹⁹ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966.

²⁰ Кусков В. В. История древнерусской литературы... 3-е изд. М., 1977. С. 245–246.

Периодизация могла иметь дополнительные деления внутри периодов, причем не только хронологические, скажем, «литература конца XV – первой половины XVI века» или «литература периода первой крестьянской войны и борьбы русского народа с польско-литовской интервенцией», но и географические – выделялись литература Киевская, Черниговская, Новгородская, Владимиро-Суздальская, Галицко-Волынская и т. д.²¹ Но основные исторические вехи, к которым привязывали периодизацию, оставались неизменными: монголо-татарское нашествие; свержение монголо-татарского ига, связанное с ростом Москвы и образованием Московского государства; Смутное время и т. д.

Вот как выглядит периодизация древнерусской литературы в наиболее популярных учебниках и «Историях», изданных (и переизданных) в последние десятилетия XX – начале XXI века:

Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966; 8-е изд. М., 2002.

1. Литература Киевской Руси.

2. Литература периода феодальной раздробленности XIII–XIV вв.

3. Литература периода объединения Северо-Восточной Руси и образования русского централизованного государства (с конца XIV до начала XVI в.).

4. Литература периода укрепления русского централизованного государства (XVI–XVII вв.).

Кусков В. В. История древнерусской литературы. 7-е изд. М., 2002.

1. Начальный период формирования древнерусской литературы (конец X – первая половина XI вв.).

2. Литература Киевской Руси (середина XI – первая треть XII вв.).

3. Литература периода феодальной раздробленности (вторая треть XII – первая половина XIII вв.) – период формирования и развития местных и областных литератур.

4. Литература периода борьбы русского народа с монголо-татарскими завоевателями и начала формирования централизованного государства (вторая половина XIII–XV в.).

5. Литература централизованного русского государства (конец XV–XVI вв.).

6. Литература формирующейся русской нации (XVII в.). Литература переходного периода, в котором выделяются два этапа: первый от начала века до 60-х годов и второй от 60-х годов до конца XVII – первой трети XVIII вв. «Последний этап и может быть определен как переходный период от литературы Древней Руси к литературе Нового времени»²².

Прокофьев Н. И. древняя русская литература. Хрестоматия. М., 1980.

Периодизация (по оглавлению).

1. Литература Киевской Руси. (XI – первая треть XII в.).

2. Литература периода феодальной раздробленности (вторая половина XII – середина XIII в.).

3. Литература в период борьбы с иноземными завоевателями и объединения княжеств Северо-Восточной Руси (середина XIII – середина XV в.).

4. Литература в период укрепления Московского государства (середина XV – начало XVI в.).

5. Литература в период укрепления самодержавия и создания многонационального государства (начало XVI–XVII вв.).

Древнерусская литература: Хрестоматия / Сост. Н. И. Прокофьев. М., 2000. В новом переиздании хрестоматии периодизация несколько изменена Н. Н. Прокофьевой и Н. В. Трофимовой.

²¹ Кусков В. В. История древнерусской литературы. С. 246.

²² Эта периодизация была предложена исследователем еще раньше в его докторской диссертации. См: Кусков В. В. Жанры и стили древнерусской литературы XI – первой половины XIII вв.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1980. С. 32.

1. Литература Киевской Руси (XI – первая треть XII в.).
2. Литература периода феодальной раздробленности (вторая треть XII – первая треть XIII в.).
3. Литература периода монголо-татарского нашествия и объединения княжеств Северо-Восточной Руси (середина XIII – 80-е гг. XV в.).
 - Литература начала монголо-татарского ига (середина XIII в. – 1380 г.).
 - Литература эпохи Куликовской битвы и освобождения от монголо-татарского ига (1380 – 80-е гг. XV в.).
4. Литература московского централизованного государства (конец XV–XVI в.).
5. Литература «переходного» XVII в.

Ряд уточнений к этой периодизации даны в коллективном учебнике:

Древнерусская литература. XI–XVII вв.: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. В. И. Коровина. М., 2003.

1. Первый период (XI – первая треть XII вв.).
2. Второй период (вторая треть XII – первая треть XIII вв.).
3. Третий период (вторая треть XIII – конец XIV вв.).
4. Четвертый период (конец XIV–XV вв.).
5. Пятый период (конец XV–XVI вв.).
6. Шестой период имеет два этапа:
 - начало – 60-е годы XVII в.;
 - 60-е годы – конец XVII в.

Приведенная периодизация (зафиксированная в оглавлении) носит исторический характер, и в самом тексте учебника в нее внесены уточняющие характеристики (но не названия!) периодов:

1. Первый период – «относительного единства литературы».
2. Второй период – «появление областных литературных центров».
3. Третий период – «монголо-татарского нашествия и борьбы с ним».
4. Четвертый период – «складывания нового нравственного идеала эпохи».
5. Пятый период – «литература эпохи Московского централизованного государства».
6. Шестой, двухэтапный период – «столкновения новых и старых принципов художественного творчества».

История русской литературы XI–XVII вв. / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980.

1. Литература XI – начала XII в.
2. Литература середины XII – первой трети XIII в.
3. Литература периода монголо-татарского нашествия – второй четверти XIII – конца XIV в.
4. Литература конца XIV – первой половины XV в.
5. Литература второй половины XV – начала XVI в.
6. Литература середины и конца XVI в.
7. XVII в. – век перехода к литературе Нового времени.

В оглавлении, правда, фигурируют несколько иные периоды: два первых соединены в один, третий разбит на два, равно как и XVII век поделен на две половины.

Практически мало чем от нее отличается и академическая «История русской литературы», т. 1. «древнерусская литература» / Под ред. Д. С. Лихачева. (Л., 1980).

Характерно, что даже при едином «историческом подходе» исследователей к периодизации древнерусской литературы все же наблюдаются существенные различия как в выделяемых ими хронологических рамках периодов, так и в их количестве (от четырех до семи!). Такой разброс мнений не может удовлетворить историка литературы, поскольку свидетельствует о кризисной ситуации в литературоведении и заставляет задуматься о правомерности применя-

емого подхода к периодизации и, соответственно, построению самой истории древнерусской литературы.

В этой связи хочется еще раз обратить внимание на весьма существенное обстоятельство: в основу периодизации литературы, то есть в разграничение определенных этапов эволюции художественного слова, была положена гражданская история (а порой – и административно-географическое деление), но не явления самой литературы²³.

На раннем этапе развития литературоведческой науки «исторический» подход вполне объясним и, может быть, даже оправдан, как напрашивающийся сам собою. Во-первых, своей тематикой древнерусская литература тесно связана с гражданской историей, и появление большинства произведений обусловлено именно историческими событиями. А во-вторых, выстроенные в хронологической последовательности, они действительно создают впечатление истории древнерусской литературы. В-третьих, при господстве эмпирических наблюдений на ранней, примитивной, по словам акад. В. Н. Перетца, стадии «литературной критики»²⁴ отсутствовали даже типологические обобщения, не говоря уже о номотетических, формулирующих общие законы развития. Так что «исторический подход» был как будто бы закономерен.

Однако еще в начале 30-х годов XIX века В. Т. Плаксин писал: «.. Не всегда История гражданства согласно идет с Историею Литературы; ибо перевороты первой, как и вообще события внешней жизни, совершаются быстро, часто силами посторонними, привходящими, а изменения последней как проявления жизни внутренней, требуют духовной готовности, которая созревает медленно, возрастая естественным порядком... Вот почему История Русской литературы, независимо от политических эпох и гражданских переворотов, должна быть разделена по свойству своего развития ... (курсив мой. – А. У.)»²⁵.

Кроме того, литературу нельзя рассматривать только как форму общественного сознания. Не следует забывать, что она и форма художественного сознания, поскольку своими определенными художественными средствами решает творческие задачи.

«И в общественной, и в художественной жизни литературы имеются свои законы, своя внутренняя логика, у каждой свои интересы и движущие силы, т. е. – своя история, в одном случае – литературно-общественного, в другом – литературно-художественного развития. Это разные истории литературы и разные историко-литературные процессы, со своими открытиями, эпохами, периодами, знаменательными вехами и датами, временные границы которых, как правило, не совпадают...» – замечает по поводу литературного процесса Нового времени А. С. Курилов²⁶.

Применительно же к литературному процессу в Древней Руси следует отметить теснейшую связь общественно-религиозного сознания и художественного сознания, что свидетельствует о едином литературном процессе, а стало быть, речь необходимо вести об одной истории древнерусской литературы (словесности).

1.1.3. О принципах периодизации литературы

Сейчас уже становится очевидным, что если ограничиваться как при построении самой истории литературы, так и при разработке ее периодизации только «историческим подходом» (пусть даже расширенным за счет еще и «географического»), то мы никогда не воспроизведем объективного течения литературного процесса, поскольку не сможем не с литератур-

²³ Увы, это беда не одного только отечественного литературоведения. См.: УэллекР. и Уоррен О. Теория литературы. М., 1978.

²⁴ Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. С. 13.

²⁵ Плаксин В. Т. Руководство к познанию истории литературы. СПб., 1833. С. 7.

²⁶ Курилов А. С. История литературы Нового времени: логика художественного развития от итальянского Возрождения до русского Сентиментализма // Филология и школа. М., 2003. С. 176; курсив А. С. Курилова. – А. У.

ных позиций объяснить чисто литературные явления: появление жанра оригинальной мирской (бытовой) повести в XV веке; или эволюцию пейзажа в древнерусских сочинениях XI–XVII вв.; или появление личностного начала в древнерусской литературе; или возникновение поэзии в XVII веке. Чисто литературные явления невозможно объяснить ходом гражданской истории.

Между тем, до сих пор при попытке дать объяснения литературному процессу именно так и поступают. Как типичный пример такого «объяснения» приведу характерный пассаж Д. С. Лихачева, больше всех поработавшего в этой области, к тому же и редактора первого тома последней, по времени выхода, академической истории русской литературы в четырех томах: «Под влиянием начавшейся централизации государственной власти, новых социально-экономических условий, выдвинувших государственные интересы выше феодально-иерархических и породивших потребность в людях с высокими психологическими качествами, могущих преданно служить единому складывающемуся государству, интерес к внутренней жизни человека достиг крайней степени напряжения (курсив мой. – А. У.). Этот интерес усиливался веяниями южнославянского и византийского Предвозрождения, явившимися на Русь вместе со вторым южнославянским влиянием»²⁷.

Это суперэклектичное «объяснение» причин возникшего интереса к психологии человека ничего на самом деле не объясняет, поскольку нельзя считать серьезным утверждение, что «интерес к внутренней жизни человека достиг крайней степени напряжения» (как это?) «под влиянием начавшейся централизации государственной власти». Два параллельных и самостоятельных процесса – формирование новой религиозно-рационалистической системы мировоззрения (приведшей к перемещению внимания с объекта познания – Бога и сотворенного им мироздания, на субъект – человека, что равносильно революции в мировосприятии) и становление российской государственности – механически сведены Д. С. Лихачевым воедино, причем с указанием причинной зависимости (на основе материалистического понимания «бытия», определяющего «сознание») первого от второго. К ним по традиции присовокуплены «социально-экономические условия» и «второе южнославянское влияние» с «византийским и южнославянским Предвозрождением», то есть типовый набор «объяснений», стремящийся ничего не упустить, но по сути ничего не проясняющий. Такие «объяснения», даже если они принадлежат известному ученому, не могут быть признаны удовлетворительными.

Есть и еще одна отрицательная сторона в «историческом подходе» при построении истории (и, соответственно, периодизации) древнерусской литературы: даже при максимальной затрате усилий мы не получим общей для XI–XX веков картины единого литературного процесса, поскольку в построении литературы Нового и Новейшего времени литературоведение опирается на эволюцию художественного (творческого) метода и на связанные с ним литературные направления, то есть на чисто литературные явления, а литература древнего периода – на гражданскую историю. Получается, что история древнерусской литературы, построенная на одних принципах, подверстана к истории литературы Нового времени, построенной на совершенно других критериях, чисто механически²⁸. Красноречивым тому свидетельством является четкая хронологическая граница между ними – рубеж между XVII и XVIII веками – 1700 год, прочерченная в большинстве академических и вузовских историй русской литературы.

Между тем, на протяжении еще трети столетия в литературе XVIII в. ощущались черты древнерусской словесности (она по-прежнему была безымянной, носила рукописный характер, использовала церковнославянские буквы и т. д.), и до 30-х годов XVIII в. целесообразно говорить о переходном периоде²⁹, в который и происходило формирование художественного метода³⁰ – основного строительного материала новой и новейшей литературы.

²⁷ Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 102.

²⁸ Никольский Н. Ближайшие задачи изучения древне-русской книжности. СПб., 1922. С. 2–3.

²⁹ Охрименко П. П. Где же конец или начало? (К вопросу о периодизации русской литературы) // Русская литература.

Механическое соединение рубежом XVII–XVIII вв. истории средневековой литературы с историей новой литературы породило еще одно ошибочное представление о «скачке» в развитии русской литературы в Новое время³¹. Хотя сами же исследователи отмечают продолжение новой литературой идей, тем и т. д. древнерусской литературы, то есть преемственность в их развитии.

Чтобы научно объяснить эволюцию русской средневековой литературы от освоения письменности до переходного периода, от Нового времени и до наших дней, следует использовать единый литературный критерий как в определении периодов в развитии литературы, так и в оценке происходящего в их границах процесса. Только тогда получится цельная, изложенная с единой позиции история русской литературы³². Но это должен быть не исторический, и не географический, и даже не синтетический, объединивший их воедино, подход, а культурологический, в значительной степени опирающийся на эволюцию средневекового мировоззрения, поскольку именно мировоззрение писателей влияло на развитие литературы.

В рамках этого универсального (типологического) подхода необходимо разработать применительно к древнерусской письменной словесности литературоведческий подход, ибо нельзя литературное явление внутри периода объяснить не с литературных позиций, как, впрочем, выделить и сам период в истории литературы без учета совокупности характерных именно для него литературных явлений, слагающихся в определенную литературную систему.

На значение единого и только литературного критерия в периодизации и в построении истории литературы указывали в свое время известные теоретики литературы Р. Уэллек и О. Уоррен: «Литературный критерий – и только он – определяет существо и границы литературного периода (курсив мой. – А. У.)»³³. Впрочем, никто, думаю, не станет отрицать правомерность такого подхода.

««Период», – по их мнению, – есть отрезок времени, в который задает тон определенная система литературных норм и образцов и тип художественной условности, возникновение которых, равно как и распространение, расщепление, интеграция и исчезновение, может быть прослежено...» (с. 283). Именно в фиксации «смены одной системы норм – другой» и заключается «история периода» (с. 283–284).

В свою очередь «система норм», или «некоторое единство», «может быть только величиной относительной», то есть реализуется наиболее полно лишь в определенный период. Если бы это была величина абсолютная, то каждый период был бы обособлен и изолирован от соседних китайской стеной, и не могло быть и речи о развитии культуры или литературы. «Поэтому в каждом периоде непременно присутствуют и пережитки предшествовавшей системы норм, и зародыши будущей» (с. 284).

И хотя Р. Уэллек и О. Уоррен не определили «систему норм», присущую разным периодам, и не нашли «общее основание», необходимое для построения истории литературы, они, безусловно, уловили правильное направление для поиска этих решений еще в 30-е годы XX века.

1974. № 1. С. 94–99; Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск, 1994.

³⁰ Ужанков А. Н. Эволюция средневекового мировоззрения и развитие русской литературы XI – первой трети XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С. 5–37.

³¹ Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. ЛГУ, 1968. С. 205.

³² По определению А. Н. Веселовского, «история литературы, в широком смысле этого слова, – это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом». См.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 41.

³³ Уэллек Р. и Уоррен О. Теория литературы. С. 282. Далее страницы указаны в тексте.

1.1.4. Теория «стиля эпохи»

1.1.4.1. Нельзя сказать, чтобы ранее не предпринимались попытки с литературных позиций охарактеризовать периоды в истории древнерусской литературы. В начале XX века возникла теория «стиля эпохи», обоснованная в отечественном литературоведении академиками В. Н. Перетцем³⁴ и П. Н. Сакулиным³⁵.

«Стиль, – замечает В. Н. Перетц, – по выражению Эльстера..., „есть сумма подчиненных объединяющей норме средств выражения, в которых обнаруживаются эстетическая концепция и преобразующая сила творящего». Стиль, живописующий душевные переживания, тончайшие оттенки настроений, первоначально создаваемый индивидуальным творчеством поэта, вместе с тем является характерным показателем поэтического мышления и восприятия эпох. Всякая эпоха есть эпоха господства определенного стиля. Однородность, общность идей, настроений и переживаний влечет за собою (независимо от намеренного литературного подражания) сходство и даже однородность в манере выражения мира чувствований и идей. Поэтический стиль эпохи (курсив мой. – А. У.) проникает все произведения ее, как бы объединяя их в одно целое. Стиль обращает литературу данного периода и данной группы – как бы в создание одного коллективного лица с определенной в каждом случае физиономией... Стиль не остается незыблемым, неподвижным; он видоизменяется во времени, и задача историка обнаружить и проследить эти видоизменения в связи с ростом исторических условий и видоизменением эстетического и идейного содержания эпохи» (с. 14–15).

В. Н. Перетц поддерживал П. Н. Сакулин: «Высшим обобщением явится литературный стиль эпохи» (с. 48). Он даже написал монографию «Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей» (Ч. 1, 2. М., 1928), в которой «историческое развитие России до половины XVII в.» принял за одну «культурную эпоху» («литературную старину») и выделил в ней два стиля: «церковный стиль» («ирреальный»), который охватывает апокрифы, агиографию, устную религиозную поэзию – легенды и духовные стихи; и «светский стиль» («реальный»), распространяющийся на повести – дидактические, исторические, воинские, публицистические, бытовые. Обращает на себя внимание, что, исследуя явления литературы, П. Н. Сакулин оперирует понятием «культурная эпоха», тем самым подразумевая их неразрывную связь.

Несмотря на то, что его подход в изучении художественной специфики древнерусской литературы явился значительным продвижением вперед, в целом теория оказалась малопродуктивной. Если не считать ее отдаленного отражения в двух выделенных И. П. Ереминым в древнерусской литературе способов изображения жизни – «достоверном воспроизведении единичных фактов» («правдивость деталей») и «идеальном преображении жизни» («условности»), – являющихся, по его мнению, «двумя сторонами одного и того же творческого метода»³⁶, она не нашла себе поддержки среди ученых.

Гораздо перспективнее казалось в 30–40-х годах XX в. изучение «стилей эпохи», напрямую связываемое с построением новой истории русской литературы. Не случайно В. П. Адрианова-Перетц, будучи редактором первых томов десятитомной академической «Истории русской литературы», над которой шла работа в 40–50-е годы, сетовала в письме к Н. К. Гудзию: «...ведь литературного принципа периодизации мы еще не выработали, и он появится после

³⁴ Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. Далее страницы указаны в тексте.

³⁵ Сакулин П. М. Синтетическое построение теории литературы. М., 1925. Далее страницы указаны в тексте.

³⁶ Еремин И. П. Новейшие исследования художественной формы древнерусских произведений // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956. С. 284–291; Еремин И. П. О художественной специфике древнерусской литературы // Русская литература. 1958, № 1. С. 75–82. Обе статьи переизданы в книге: Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 234–244 и С. 245–254 соответственно.

больших работ по истории стиля»³⁷, – и потому авторам и в тот раз пришлось довольствоваться «историческим принципом» периодизации³⁸.

Приоритет в изучении «стилей эпох» в славянских литературах принадлежит талантливому украинскому ученому Д. И. Чижевскому, издавшему на украинском языке в Нью-Йорке в 1956 г. «Историю украинской литературы (от начала до эпохи реализма)»³⁹.

В этой, пожалуй, первой, рассматриваемой с литературных позиций истории украинской литературы исследователь выделил девять эпох, с характерным для каждой доминирующим стилем:

1. Эпоха монументального стиля – XI в.
2. Эпоха орнаментального стиля – XII–XIII вв.
3. Переходная эпоха – XIV–XV вв.
4. Ренессанс и Реформация – конец XVI в.
5. Барокко – XVII–XVIII вв.
6. Классицизм – конец XVIII – 40-е годы XIX в.
7. Романтика – конец 20-х годов – начало 60-х годов XIX в.
8. Реализм – от 60-х годов XIX в.
9. Символизм – начало XX в.

«Кажется, – пишет Д. И. Чижевский, – можно открыть даже некую закономерность в смене литературных стилей. Эта закономерность базируется на постоянной смене противоположных тенденций: стилистическое развитие, а частично и идеологическое идет путем постоянного колебания между двумя противоположными полюсами. Какими бы разнообразными ни были многочисленные литературные стили, что сменялись в европейских литературах на протяжении долгих столетий, однако в них легко заметить два типа, которые характеризуются противоположными чертами: любовью к простоте или же склонностью к усложненности»⁴⁰.

В отечественном литературоведении разработка проблемы «стиля эпохи» принадлежит акад. Д. С. Лихачеву⁴¹, весьма критически отнесшегося к выделению Д. И. Чижевским двух типов литературных направлений⁴² в славянских литературах (в том числе и русской), начиная со средневекового периода. По мнению Д. С. Лихачева, в основе представленной Д. И. Чижевским «формалистической схемы смен литературных направлений лежит представление, что каждое направление само порождает свою противоположность. Причина этого, согласно данной схеме, заключается, очевидно, в том, что художественное возбуждение постепенно притупляется и вызывает потребность в обращении к своей противоположности. Одно литературное направление сменяется другим в силу «устаревания» первого, в силу того, что стиль «приедается» и литературные вкусы требуют новизны и эта новизна оказывается, согласно этой схеме, позади – в старом, оставленном перед тем типе направлений.

³⁷ Дробленкова Н. Ф. В. П. Адрианова-Перетц – преподаватель и редактор // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 30.

³⁸ Н. Ф. Дробленкова в указанной статье отмечает: «Понимая определенную ограниченность исторического принципа периодизации..., В. П. (Адрианова-Перетц. – А. У.) как редактор все же стремится группировать литературные памятники с учетом их жанровых признаков», – т. е. все-таки добавляет еще и литературный принцип (Там же, с. 30).

³⁹ Она была переиздана на Украине в 1994 г.: Чижевський Дмитро. Історія української літератури. Тернопіль, 1994. Справедливості ради следует сказать, что еще в 1942 г. была издана «Історія української літератури» (Древний период), а в 1948 г. – «История древнерусской литературы: Киевская эпоха» на немецком языке.

⁴⁰ Чижевський Дмитро. Історія української літератури. Тернопіль, 1994. С. 28–29.

⁴¹ Лихачев Д. С. Движение русской литературы XI–XVII веков к реалистическому изображению действительности. М., 1956; Он же. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. 2-е изд. М., 1970; Он же. Развитие русской литературы X–XVII веков. М., 1973.

⁴² Dmitry Cizevsky. Outline of Comparative Slavic Literatures. Survey of Slavic Civilization. Vol. I. American Academy of Arts and Sciences. Boston, Massachusetts, 1952. P. 10–11.

В этой бедной схеме литературного развития по существу отрицается движение литературы вперед, воздействие действительности, накопление опыта, литературного умения, – в конечном счете отрицается и традиция.

Кроме того, практически эта схема, выработанная Д. Чижевским для всех славянских литератур, не может быть применена к русской литературе: русская литература не знала ренессанса; барокко и классицизм вовсе не определялись как направления двух противоположных типов, символизм не сменил собой реализма и т. д.»⁴³.

Для нас важно, что далее в своей работе Д. С. Лихачев обратил внимание на стилистические связи между литературой и изобразительным искусством, тем самым подчеркнув связь в развитии средневекового мировоззрения и культуры. По сути, он стремился выявить типологию «стиля эпохи» или, применяя его терминологию, «художественное лицо эпохи»: «Художественное лицо эпохи – это не литературное направление, не направление одного какого-либо искусства. Художественное лицо эпохи меняется медленнее, чем сменяются направления, оно сказывается в особенностях стиля, в самом широком смысле этого слова, общих для всех искусств и опирающихся на свойственные эпохе особенности общественного развития, особенности, объединяющие все противоречия эпохи и самую борьбу идеологий, в ней происходящую (...).

Литература тесно связана с художественным лицом эпохи. Это художественное лицо определяется уже в XI веке и меняется в XII и XIII веках. Оно совсем новое со второй половины XIV века и приобретает особые черты в конце XV и в XVI веке. Оно необыкновенно сложно и внутренне противоречиво в XVII веке, объединяя в это время ожесточенную борьбу различных тенденций.

Изучение художественного облика различных эпох – дело будущих исследований, сейчас же отметим, что эта тесная связь древней русской литературы с другими искусствами налагает на исследователей обязанность особенно внимательно изучать русскую литературу XI–XVII веков в ее взаимоотношении со всеми прочими видами искусства. Изучение этих связей дает нам ключ к пониманию литературного процесса»⁴⁴.

На протяжении семи столетий ученый выделяет восемь доминирующих стилей:

1. Монументальный стиль, или стиль монументального историзма XI–XIII веков, присущий летописям, воинским повестям. Он отличается церемониальностью, геральдичностью, репрезентативностью, надындивидуальностью. «Стиль монументального историзма получил свое воплощение в искусстве с еще большей выразительностью, чем в летописи».

2. Эпический стиль XI–XIII вв., связанный с народным творчеством. Он – не психологичен. В основе образности – подвиги героев. В средневековое изобразительное искусство проникают только отдельные элементы этого стиля.

3. Экспрессивно-эмоциональный стиль конца XIV–XV в. Характерен для житийной литературы. Запечатлевает отдельные психологические состояния человека («абстрактный психологизм»). К этому стилю Д. С. Лихачев относит новгородские росписи ХР/ в., причем в оценке стиля сходится с искусствоведами (Б. В. Михайловским, Б. И. Пуришевым, М. В. Алпатовым, Н. Г. Порфиридовым).

4. Стиль «психологической умиротворенности» XV в. Его исследователь обнаруживает в творчестве Андрея Рублева и художников его круга и в «Повести о Петре и Февронии Муромских».

5. Стиль идеализирующего биографизма XVI в., стиль «второго монументализма». Он присущ Степенной книге и фрескам Золотой палаты Московского Кремля.

⁴³ Лихачев Д. С. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе // Русская литература. 1958. № 2. С. 4. Ср.: Григорш Грабович. До історії української літератури. Київ, 1997. С. 432–542.

⁴⁴ Лихачев Д. С. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. С. 9.

6. «Резко сниженный», «нарочито будничный» стиль демократической литературы XVII в., который можно назвать «бытовым». Аналогии ему в изобразительном искусстве Д. С. Лихачев не находит.

7. «Стиль патетического опрошения человека», свойственный протопопу Аввакуму (XVII в.). Примеры из области изобразительного искусства тоже отсутствуют.

8. «Стиль барокко» второй половины XVI в. – помпезен, официален, орнаментален, замысловат, многопредметен, жизнерадостен. «Великолепные образцы стиля русского барокко можно найти в зодчестве, в прикладном искусстве, в живописи. Одно из наиболее ранних проявлений стиля барокко в русской живописи – превосходные росписи церкви Троицы в Никитниках в Москве, 1652–1653 гг.»⁴⁵.

Хотя перечисленные стили выделены внутри определенных эпох, они не только не характеризуют эпоху в целом, но даже не являются доминирующими в выделенном периоде.

По верному замечанию В. В. Кускова, «картина развития стилей, нарисованная Д. С. Лихачевым, несколько схематизирует более сложный процесс развития нашей древней литературы. В XI–XII вв. стиль средневекового монументального историзма преобладает в исторических жанрах, где в зависимости от характера произведения наблюдается и эпический народный стиль. Однако в этот же период можно говорить о развитии и эмоционально-экспрессивного стиля в произведениях Илариона, словах Кирилла Туровского, в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе». Иную стилевую окраску имеют такие произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника»⁴⁶.

Стиль монументального историзма XI–XIII вв. не затронул исторических сказаний и преданий и был «внутренне чужд» церковным жанрам. С этим утверждением В. А. Грихина нельзя не согласиться, как и с другими его верными замечаниями по поводу экспрессивно-эмоционального стиля в литературе XIV–XV вв.: «Главенствующее положение он занимает в агиографии, но исторические повести XIV в. имеют иную стилевую окраску и связаны с предшествующей традицией исторического повествования»⁴⁷.

Этой же точки зрения придерживается и В. В. Кусков: «В XIV–XV вв. эмоционально-экспрессивный стиль первоначально охватывает только агиографическую литературу, а исторические повести написаны в стиле, который можно условно назвать «фактографическим». Здесь уместно поставить вопрос о развитии местных областных стилей письменности: новгородского, тверского, муромо-рязанского, московского. В XVI в. происходит процесс слияния областных стилей в единый общерусский стиль официальной литературы, названный Д. С. Лихачевым стилем второго монументализма. Однако наряду с этим стилем формируются стили, связанные с публицистикой. В них широко используется аллегория, изображается быт и все более значительную роль начинает играть художественный вымысел»⁴⁸.

Близкое к приведенному мнение высказывал и В. А. Грихин: «В литературе XVI в. ведущая роль принадлежит не стилю идеализирующего биографизма, а публицистическому, поскольку публицистические жанры являются ведущими в литературе этого времени»⁴⁹.

«В XVII в. под влиянием общего процесса обмирщения культуры окончательно разрушается стиль монументального историзма и возникает беллетристический стиль. В литературе, создаваемой в посадских слоях населения, стиль демократизируется, в придворной литературе он приобретает большую книжную искусственную изощренность»⁵⁰.

⁴⁵ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970. С. 61, 89–91, 152. См. обстоятельный сопоставительный обзор этих стилей в кн.: Вагнер Г. К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987. С. 31–33.

⁴⁶ Кусков В. В. История древнерусской литературы. М., 1977. С. 14–15.

⁴⁷ Грихин В. А. История древнерусской литературы XI–XIII вв. Методические указания. М., 1987. С. 16–17.

⁴⁸ Кусков В. В. История древнерусской литературы. С. 15.

⁴⁹ Грихин В. А. История древнерусской литературы XI–XIII вв. С. 17.

⁵⁰ Кусков В. В. История древнерусской литературы. С. 15.

К этому остается добавить, что обнаруженный у Аввакума «стиль патетического опрошения человека» никак нельзя распространить на всю эпоху, то есть XVII век, к тому же и Д. С. Лихачев указывает на присутствие рядом с ним еще двух стилей.

Да и сам исследователь признавал «немало... «исключений» из господствующей стилистической системы», причем «этих исключений в литературе, пожалуй, не меньше, чем признаков господствующего стиля, но они сами по себе не составляют еще нового стиля и не отменяют господствующего стиля как системы»⁵¹. Но если обнаруживается столь значительное количество «исключений», то правомерно ли говорить о «господствующем стиле как системе», да и вообще – о системе?

Логичнее предположить, что система должна охватывать весь выделяемый период, включая в себя и «исключения», подготавливающие новую систему нового временного периода. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, при типологической схожести эволюции художественных процессов в литературе и изобразительном искусстве, выделенный исследователем «стиль эпохи» проявляется порой только в литературе и отсутствует в живописи. Правомерна ли тогда вообще постановка вопроса о стиле эпохи? По сути дела речь должна идти не о «стиле эпохи», а о типологическом стиле, проявляющемся на ограниченном отрезке времени и только в определенных жанрах словесности и изобразительного искусства.

Совершенно очевидно, что «стиль эпохи» – категория, искусственно выделенная исследователями, поскольку не дает объяснения происходящим в тот или иной период литературным явлениям. Показательно, что известные литературоведы, С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер, А. В. Михайлов – видимо, признавая (ощущая) ограниченность понятия «стиль эпохи», используют другое выражение – «поэтическая доминанта эпохи»⁵². Не случайно и сам Д. С. Лихачев так нигде и ни разу не дал четкого определения используемого им понятия. Что, в таком случае, подразумевать под «стилем эпохи»? Это некое организующее начало, первотолчок или же результат деятельности человека? Судя по примерам и рассуждениям Д. С. Лихачева, – это результат деятельности людей, т. е. следствие. А что же выступает причиной? Остается неясным.

В одной из последних своих работ Д. С. Лихачев признавал: «Говоря о литературоведческих картинах литературы с точки зрения теории наблюдения, мы должны отметить, что наиболее «разрушительными» для литературы являются те, в которых наиболее сказываются тенденции научного «редукционизма», т. е. попыток сведения сложного к простому, элементарному... То же редукционистское упрощение литературы существует и в концепциях смен стилей, особенно в той части их, где создатели этих концепций, иногда верно, пытаются усмотреть известную последовательность (Д. Чижевский, Д. Лихачев). Однако сколь бы ни были верны концепции стилей и их смен в литературе, редукционизму, им присущему, следует противопоставить «свободу электрона» – свободу воли творца, осуществляемую через его талант и гениальность»⁵³.

Д. С. Лихачев не случайно говорит о литературоведческих картинах литературы, которые можно «наблюдать», «усмотреть», но не осмыслить в ходе номологических (П. Н. Сакулин) обобщений. Речь нигде не идет о выявлении (открытии) законов развития литературного процесса. Отдельные «литературоведческие картины литературы» не превратились в историю литературы. Из этого можно заключить, что и «концепция смен стилей» не может быть принята за теоретическую основу истории древней русской литературы.

⁵¹ Лихачев Д. С. Движение русской литературы. С. 9—10.

⁵² Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1999. С. 28.

⁵³ Лихачев Д. С. «Принцип дополнительности» в изучении литературы // Русская литература. 1991. № 3. С. 36.

1.1.4.2. Практически тем же путем пошли и историки культуры, используя в своих обобщающих исследованиях и исторический, и географический принципы построения истории русской средневековой культуры⁵⁴. Но особо следует остановиться на фундаментальных работах Г. К. Вагнера⁵⁵. В самой последней из них – «Искусство Древней Руси» – он использует уже известную нам периодизацию, но придает ей существенный смысловой оттенок:

1. Искусство «монументального историзма» (конец X – XI в.)
2. Трансформация «монументального историзма» (XII – начало XIII в.)
3. Подготовка Предвозрождения (вторая половина XIII – в.)
4. Русское Предвозрождение XV в.)
5. Модификация Предвозрождения (XVI в.)
6. Ренессанс или Барокко? (XVII в.)⁵⁶.

Выделенные исследователем периоды получают названия или по доминирующим в них «стилям эпохи», или по явлениям общеидеологического порядка. Но, что для нас важно, Г. К. Вагнер придерживается в своей периодизации истории культуры мировоззренческого принципа, поскольку в его работах стиль рассматривается «не с чисто формальной стороны, а как мировоззренческая (курсив мой. – А. У.), эстетическая проблема и вместе с тем как исторически конкретная категория, в которой отражается если не эстетический идеал эпохи, то, во всяком случае, преобладающие художественные тенденции»⁵⁷.

Вслед за Д. С. Лихачевым он разрабатывает теорию «стиля эпохи», но уже преимущественно на основе древнерусского искусства, а не литературы.

Важно отметить методологическую базу исследователя, на основе которой получены его результаты.

«...Теория требует, – пишет Г. К. Вагнер, – чтобы характер основания отразился в обособляемом явлении. С этой целью в качестве оснований для определения того или иного стиля мною берутся не менее двух признаков: один, обращенный к гносеологии, другой – к художественной стилистике. Именно эстетический метод и дает возможность такого подхода.

Соединение частнонаучного эстетического метода с общим комплексным методом способно вскрыть специфику проблемы стиля древнерусского искусства, то есть действительную картину «философски этических, эстетических, космогонических и конкретно-исторических представлений»⁵⁸, воплощенных мастерами в своих произведениях» (с. 69).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что исследователь, вслед за Д. С. Лихачевым, рассматривает «стиль эпохи» как выражение творческой деятельности художника (писателя), т. е. как результат действия, чем-то вызванное следствие. Но в недостаточной степени рассматривается вопрос о причинах этих изменений – эволюции мировоззрения, хотя само миропредставление художников, по определению, учитывается.

Классификация и периодизация «стилей эпохи», таким образом, происходит на основе результатов творческой деятельности (т. е. следствия) – художественно-эстетических форм, что изначально подразумевает ее ограниченность, поскольку не все творения дошли до нас и не все в равной степени изучены. Это ощутил и сам исследователь: «Но этот охват (всех областей творчества. – А. У.) может быть и неполным, вне господствующей стилиевой тенденции

⁵⁴ См.: Любимов Лев. Искусство Древней Руси. М., 1974; Муравьев А. В., Сахаров А. М. Очерки истории русской культуры IX—XVII вв. М., 1984; Истории русского искусства: В 3 т. Т. 1. Искусство X – первой половины XIX века / Под ред. М. М. Раковой и И. В. Рязанцева. М., 1991.

⁵⁵ Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974; Он же. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве – XV веков. М., 1980; Он же. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987; Он же: Искусство Древней Руси // Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993.

⁵⁶ Вагнер Г. К. Искусство Древней Руси // Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993. С. 7—71.

⁵⁷ Вагнер Г. К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987. С. 7. Далее страницы указаны в тексте.

⁵⁸ Подобедова О. И. Состояние и задачи науки о древнерусском искусстве // Состояние и задачи изучения древнерусского искусства (тезисы докладов научной конференции 12 ноября 1968 г.). М., 1968. С. 9.

могут остаться довольно заметные области творчества (подчеркнуто мной. – А. У.). В нашем понимании это тоже будет «стиль эпохи» (т. е. как бы ничем не обусловленный, что изначально указывает на искусственность самого понятия «стиль эпохи». – А. У.), по отношению к которому стилистические тенденции боковых русел будут не более как второ-плановыми и вообще второстепенными» (с. 69).

Если «довольно заметные области творчества» становятся «не более как второ-плановыми и вообще второстепенными» «стилистическими тенденциями», то насколько тогда объективно отражают исторически сложившуюся ситуацию полученные результаты исследования? И корректно ли выстраивать как общую историю культуры, так и историю средневековой литературы на основе выделяемых «стилей эпохи», если они не охватывают всех явлений?

Совершенно очевидно, что необходимо искать более общее основание для построения истории древнерусской литературы и культуры⁵⁹.

⁵⁹ «Понятие стиля эпохи было применимо лишь к средневековой литературе и потому не могло стать базовой категорией в теории литературного процесса. Но важно, что рядом с направлением появляется еще одна категория, служащая единицей членения процесса литературного развития. История литературы теперь оказывалась двучастной: сначала была литературой стилей эпох, а потом ее сменила литература направлений. Такое видение литературного процесса активизировало поиски категории, которая была бы более широкой, чем стиль эпохи и направление, и могла бы включать их в себя», – резонно замечает Е. М. Черноиваненко. См.: Черноиваненко Е. М. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Одесса, 1997. С. 59.

Раздел второй

Типология стадияльного развития мировых литератур

1.2.1. Стадияльное развитие мировых литератур

О стадияльном развитии мировых литератур (причем хронологические периоды стадий в отдельной национальной литературе могли по продолжительности существенно различаться) заговорили в конце XX столетия. При этом исследователи применили, как его назвал Г. Н. Пospelов, «европоцентристский» подход, поскольку «только в литературах ... европейских народов возможно выявить – при их сравнительном изучении – закономерную стадияльность их развития»⁶⁰.

На это же обстоятельство указывает и В. Е. Хализев: «Стадии литературного процесса привычно мыслятся как соответствующие тем этапам истории человечества, которые с наибольшей отчетливостью и полнотой явили себя в странах западноевропейских и особенно ярко – в романских. В этой связи выделяются литературы древние, средневековые и – литературы Нового времени с их собственными этапами (вслед за Возрождением – барокко, классицизм, Просвещение с его сентименталистской ветвью, романтизм, наконец, реализм...)»⁶¹.

Наибольшую дискуссию вызвал вопрос о географических границах эпохи Возрождения, ее культуры и литературы. Обсуждение этой проблемы «обнаружило недостаточность традиционной схемы мирового литературного процесса, которая ориентирована в основном на западноевропейский культурно-исторический опыт и отмечена ограниченностью, которую принято именовать «европоцентризмом». И ученые на протяжении двух-трех последних десятилетий (пальма первенства здесь принадлежит С. С. Аверинцеву) выдвинули и обосновали концепцию, дополняющую и в какой-то степени пересматривающую привычные представления о стадиях литературного развития»⁶².

В данном случае В. Е. Хализев имел в виду статью С. С. Аверинцева «Древнегреческая поэтика и мировая литература»⁶³, в которой тот выделил «три состояния литературной культуры» в европейской литературе, неравные по своей продолжительности: «.. В истории литературной культуры европейского круга выделяются три качественно отличных состояния этой культуры:

- (1) дорефлективно-традиционалистское, преодоленное греками в V–IV вв. до н. э.;
- (2) рефлективно-традиционалистское, оспоренное к концу XVIII в. и упраздненное индустриальной эпохой;
- (3) конец традиционалистской установки как таковой.

Различие между этими состояниями – явления иного порядка, чем различие между сколько угодно контрастирующими эпохами, как то: между античностью и средневековьем или средневековьем и Ренессансом»⁶⁴.

С рядом уточнений – выделяются не просто «три состояния культуры», а «три наиболее общих и устойчивых типа художественного сознания» – эта концепция развития уже мировой литературы (с учетом на сей раз и восточных литератур и более четким указанием хроноло-

⁶⁰ Пospelов Г. Н. Стадияльное развитие европейских литератур. М., 1988. С. 27, 28.

⁶¹ Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2000. С. 358.

⁶² Там же, с. 359–360.

⁶³ Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 3–14.

⁶⁴ Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература. С. 7–8.

гических границ) была принята и расширена в совместной статье С. С. Аверинцева, М. Л. Андреева, М. Л. Гаспарова, П. А. Гринцера и А. В. Михайлова⁶⁵, которая представляет собой обобщение их собственных разработок по исторической поэтике⁶⁶.

Для нас весьма существенным является тот факт, что в качестве основного критерия в выделении глобальной «литературной эпохи» выступает «художественное сознание», то есть понятие, напрямую связанное с мировоззрением, а каждый период получил сжатую типологическую характеристику на уровне поэтики.

⁶⁵ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1999. С. 3—38. В дальнейшем страницы статьи указаны в тексте.

⁶⁶ Часть этих работ была опубликована в предыдущем коллективном сборнике ИМЛИ РАН: Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.